

сцены болезней, начиная с больных чахоткой, напр. Мармеладова. В более ранних произведениях встречаются сцены безумия и ненормальности в таких произведениях, как "Двойник", "Господин Прохарчин", "Хозяйка", "Слабое сердце", "Неточка Незванова" и др. Но это было в моде современной ему литературы на Западе, у таких писателей, как Е. Т. Гофманн, Бальзак, Жорж Санд и др. Когда по возвращении из ссылки обнаружилось, что писатель страдает падучей и не боится описывать ее приступы в таких романах, как "Идиот" и "Братья Карамазовы", о болезненности его произведений стали писать еще чаще, а сцены мучительства детей, развращенности таких персонажей, как Валковский, Свидригайлов, Труссоцкий и, наконец, Ставрогин, признающийся в растлении малолетней, то "слава" о ненормальности и половых извращениях самого писателя получила поддержку даже среди людей близко знавших его, таких, как Висковатов и Страхов.

В своем "Дневнике писателя" 1877 г. Достоевский ответил своим критикам так: "О 'слабости' моей к болезненным явлениям воли" я скажу... что мне действительно иногда удавалось в моих романах и повестях, *обличать* иных людей, считающих себя здоровыми, и доказать им, что они больны. Знаете ли вы, что весьма многие люди больны именно своим здоровьем, т.е. непомерной уверенностью в своей нормальности, и тем самым заражены страшным самомнением, бессовестным самолюбованием, доходящим иной раз чуть ли не до убеждения в своей непогрешимости".

И Голядкин, и Прохарчин, и Вася Шумков не достигают своей мечты — Прохарчин не решается воспользоваться скопленным богатством и погибает в нищете. Это все — больные люди, кончающие сумасшествием или гибелью. И Ефимов из "Неточки Незвановой" принадлежит к тому же типу. Только герой "Белых ночей" не гибнет из-за мечтательности, потому что вместо дикой мечты он мечтает о красоте и любви, которая ему мелькнула в виде Вареньки и которой он остается верен на всю жизнь; две минуты блаженства спасают его от помешательства, это нормальное человеческое чувство восторжествовало над болезненным воображением. Достоевский, чувствуя болезненные симптомы в самом себе, их превозмог, использовав их в